

Татьяна Жданова

ЛЮДИ - КНИГИ - ЛЮДИ

Мемуары букиниста

Татьяна Жданова

**Люди – книги – люди.
Мемуары букиниста**

«Пробел-2000»

2010

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Жданова Т. Л.

Люди – книги – люди. Мемуары букиниста / Т. Л. Жданова —
«Пробел-2000», 2010

ISBN 978-5-98604-192-6

Автор рассказывает об уникальном явлении среди реалий советского общества – о единственном в СССР букинистическом магазине иностранной книги. Взгляд автора на деятельность этого магазина – это взгляд из «зазеркалья», с другой стороны прилавка, поскольку Т.Л. Жданова проработала там 17 лет и знает как официальную сторону работы, так и ее изнанку. Автор пытается охватить все грани жизни этого магазина в 1970-х и 1980-х гг. Книга написана очень ясным и живым языком и сможет заинтересовать широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98604-192-6

© Жданова Т. Л., 2010
© Пробел-2000, 2010

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Качалова, 16. Магазин и его сотрудники	7
Глава 2. Галка «Сыр» и Алик Прохоров	20
Глава 3. Арбатские старушки и академические вдовы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Жданова
Люди – книги – люди. Мемуары букиниста

© Т. Л. Жданова, 2010

* * *

*Светлой памяти Люси Виноградовой,
моей сокурсницы и подруги,
посвящаю...*

Предисловие

С уходом из нашей жизни советских реалий постепенно стирается и память о них. Мы забываем, как выглядели прежние деньги, вывески на магазинах, старые автобусы и трамваи, первые телевизоры и магнитофоны. Мы забываем даже о длинных очередях, о бесконечных профсоюзных и партийных собраниях, о заказах с дефицитными продуктами и о прочих маленьких радостях советской жизни.

К числу таких ушедших в прошлое реалий советского периода относится бывшая широко разветвлённая и строго централизованная сеть книжных магазинов, в которую входили также и букинистические. Такие понятия, как «Союзкнига», «Москнига», «Буккнига» навеки канули в прошлое. При этом следует заметить, что история дореволюционной и советской букинистической торговли так или иначе запечатлена в воспоминаниях букинистов (П. Шибанова, Л. Глезера) или коллекционеров-книжников (В. Лаврова), и это очень важно, поскольку история книжного дела и книжной торговли теснейшим образом связана с историей нашей страны. Однако ни в одной из этих книг не описана букинистическая торговля иностранной книгой; расцвет же этой отрасли книжной торговли пришёлся на 60–80-е гг. XX века. Средоточием букинистической торговли иностранной книгой в это время был знаменитый магазин № 79 Москниги, расположенный на бывшей ул. Качалова (ныне М. Никитская), в доме № 16.

Я проработала в этом магазине семнадцать лет, поэтому могу смело утверждать, что наш магазин был одной из самых своеобразных и интересных достопримечательностей Москвы. И книги, наполнявшие его, и люди, приходившие за ними в наш магазин, были не совсем обычными в нашей советской жизни. «Иностранщина» придавала и тем, и другим какой-то особый интерес. Также, помимо своего прямого назначения, наш магазин исполнял негласную роль общественного клуба московской интеллигенции. Здесь встречались писатели, кинорежиссёры, художники, архитекторы, переводчики, преподаватели, врачи и философы, не говоря уж о книжных коллекционерах. Мы, сотрудники магазина, хорошо знали их вкусы и пристрастия, они часто беседовали с нами и при этом невольно передавали нам часть своих знаний. Кто хотел, тот у них учился. И я многое узнала, благодаря нашим постоянным покупателям, за что очень им признательна.

Вследствие своего особого положения среди других букинистических магазинов и некой «элитарности» наших постоянных покупателей наш магазин был совершенно уникальным явлением советской действительности, и он вполне достоин того, чтобы о нём знали и помнили как современники, так и люди грядущих поколений.

* * *

Некоторые фамилии действующих лиц в этой повести изменены или обозначены инициалами.

Глава 1. Качалова, 16. Магазин и его сотрудники

По этому адресу в большом генеральском доме сталинской постройки находился букинистический магазин иностранной книги, в советское время магазин № 79 Мосбуккниги, который сыграл огромную роль в моей судьбе. Как и многое в моей жизни, я выбрала его сама, даже не рассматривая каких-либо других вариантов, и не жалею об этом.

Наш магазин – я буду называть его «наш магазин» – был всегда своеобразным островом некоего свободомыслия в мутном болоте бесконечной идеологической лжи, в условиях которой работали тогда все те учреждения, которые по тем или иным причинам считались форпостами советской идеологии. Это были библиотеки, театры, клубы, учебные заведения и, конечно же, книжные магазины. Когда мы ещё учились в нашем благословенном институте (Московском полиграфическом), на лекциях по истории КПСС наш преподаватель Илья Алексеевич Тишков все время нудил своим мерзким голосом, что вы, мол, будущие работники идеологического фронта, а не какие-нибудь там механики или технологи, и стало быть, у вас за семестр будет 200 часов истории КПСС и знать вы её должны назубок. Мы втихаря посылали его вместе с его историей куда подальше, но деваться было некуда, и нам пришлось учить и сдавать эту мерзость целых три года, пока её не сменил ещё более пакостный научный коммунизм.

Но это, так сказать, лирическое отступление, а на деле, во время моей работы в магазине, все это принимало самые причудливые формы, о которых я расскажу потом, но тем не менее, какой-то особый вольный ветерок дул на наш магазин с далекого Запада и обвевал и нас, и наших покупателей.

Прежде всего этот вольный ветерок проникал к нам с самими книгами. Они были не такими, какие печатали у нас. Кроме того, их приносили к нам люди, побывавшие за границей. И сверх всего этого, наше бездарное идеологическое начальство разных уровней практически ничего не смыслило в иностранных языках, и как оно ни старалось совать нам палки в колеса, ветерок вольномыслия все же подгонял наш маленький кораблик.

Меня всегда удивляло, почему нас вообще терпят. По всем тогдашним меркам, наш магазин надо было вообще закрыть. Однако он существовал всегда, и именно при советской власти. Насколько я знаю, наш магазин когда-то ещё до войны и какое-то время после неё помещался в начале улицы Горького, где-то рядом с гостиницей «Националы». Затем он надолго переехал в крохотное двухэтажное помещение на улице Герцена в доме № 24. И года за два до моего поступления на работу, году в 1967-м, ему дали вот это большое помещение на улице Качалова, где он находится до сих пор.

История моего появления в нашем магазине такова. На последнем курсе института, когда нам полагалось выбрать тему для дипломной работы, я попросила заведующего нашей кафедрой книговедения Михаила Федоровича Арбузова дать мне какую-нибудь тему, связанную и с иностранными языками, и с букинистической торговлей. Наш убеленный сединами бывший кавалерист-буденовец обещал подумать, а через некоторое время прислал мне домой такое письмо: «Тема Вашего диплома “Иностранная книга в букинистической торговле”, место преддипломной практики – магазин № 79 “Иностранная книга”».

Честно говоря, до этого момента я никогда не слыхала, что у нас в Москве есть такой магазин. Меня очень интересовала букинистическая торговля, но чтоб ещё и книгами на иностранных языках – о таком я и слыхом не слыхивала. Был магазин «Дружба» на улице Горького, который торговал книгами стран народной демократии, был магазин «Прогресс», где продавались книги на иностранных языках, но советского издания, – вот и все, что мне было известно на тот момент. Уже потом я узнала, что правом покупать и продавать иностранные книги, помимо нашего магазина, обладает лишь магазин № 1 Москниги «Академкнига» (помещав-

шийся тогда на улице Горького, в доме № 8) и магазин, расположенный в помещении гостиницы «Метрополь» (но ему разрешалось покупать только книги по искусству). Таким образом, наш магазин имел статус монополиста в этой области и мог себе многое позволить.

Я навсегда запомнила день, когда впервые свернула с Тверского бульвара на улицу Качалова. Мне часто приходилось бывать у Никитских ворот, потому что там, прямо за зданием ТАСС жила моя тётушка, но почему-то никогда не заходила на улицу Качалова, хотя забегала в оба угловых магазина Чичкина, которые тогда ещё находились на своих законных местах друг напротив друга. Даже в магазин «Ткани» почему-то не было необходимости зайти, хотя бы из любопытства. А тут я вышла на абсолютно прямую, просторную, тихую и заснеженную улицу, освещенную ярким дневным январским солнцем. Я не помню, приехала ли я туда на чем-либо или пришла пешком, помню только это сверкающее снежное спокойствие. В те времена движение в Москве не было таким сумасшедшим, как в наши дни, однако, по сравнению с другими центральными улицами, эта улица казалась на редкость тихой и спокойной, словно равнина среди горных ущелий. Даже прохожих почти не было. Я не торопясь шла по этой сверкающей равнине и наслаждалась каждым шагом, проходя мимо довольно высоких сугробов, у обочины тротуара.

Кажется, в этот же день с утра я побывала в Буккниге, которая тогда ютилась в крохотном помещении со скошенными потолками на улице Кирова, в том же доме, где находился один из букинистических магазинов. Там я познакомилась с директором Буккниги Андреевым Нилом Ивановичем и увидела наших бухгалтеров. Зачем я туда заходила, я не помню, вероятно для того, чтобы взять направление на практику. Теснота и неудобство помещения произвела на меня какое-то гнетущее впечатление, но когда я вышла на улицу Качалова, её простор и покой просто окрылили меня. Я шла мимо красивого особняка Рябушинского, ставшего музеем М. Горького, мимо прекрасного особняка XVIII века, где помещался Комитет по печати РСФСР. Дом № 16 находился приблизительно посередине улицы. Это действительно генеральский дом. Его построили для всяких важных членов сталинского времени. К фасаду этого многоэтажного солидного дома примыкает одноэтажная пристройка, поделённая на две части: в одной из них, ближе к Никитским воротам находилась аптека, а во второй – наш магазин. Я подошла к двери, толкнула её и вошла в магазин. Я увидела просторное высокое помещение с четырьмя колоннами, все пронизанное светом низкого зимнего солнца. По периметру его стояли стеллажи с книгами, перед ними были прилавки с застекленными витринами. За прилавком я разглядела единственную продавщицу, перед ней стоял один-единственный покупатель, было очень тихо, и в этой неправдоподобной светлой тишине летала и жужжала какая-то совершенно ошалелая зимняя муха. Я подумала, что здесь, наверно, всегда так тихо и спокойно, и что это – просто благодать. Я не помню точно, кто именно был за прилавком, но эта девушка на мой вопрос, как мне найти директора, вызвала откуда-то из тогда мне неизвестных глубин магазина заведующую отделом Галину Андреевну. Когда я впервые увидела высокую, худенькую женщину в темном гладком платье с белым воротничком, с уложенными волнистыми волосами, немножко нервным лицом и рабочими руками, я подумала про себя: «Какая аккуратная женщина». Галина Андреевна приняла у меня мои верительные грамоты, сказала: «Ну, что ж», – и отвела меня в технический отдел, где я познакомилась с Наташей К., восемнадцатилетней особой, которая тоже недавно поступила на работу в магазин, но все равно знала о нем намного больше меня. Галя и Наташа показали мне, где какие книги стоят – где словари, где учебники, где медицина, где греко-латинские книги. Конечно, я с первого раза все не запомнила, но немножко начала ориентироваться. Помню, покупателей после 12 часов стало побольше, и один из них обратился ко мне с вопросом, есть ли у нас маленький «Коллинз». Я беспомощно оглянулась, и Галя сказала, что у нас сейчас такого словаря нет. Когда же этот человек ушел, она нагнулась и вынула из под прилавка маленькую книжечку. «Вот что он спрашивал», – сказала она и отдала мне книжицу в руки. Сначала мне показалось, что

переплет у книжечки кожаный, но она гнулась у меня в руках, потому что он был из какого-то современного гибкого материала, а странички в ней были из тонкой-тонкой бумаги, на которой слова были напечатаны мелкими-мелкими буквами. Я спросила: «А почему вы её не отдали?». «Потому что мы высылаем их по заказам». Это было немножко странно, но я не стала больше спрашивать. Часа два пролетели незаметно, и магазин закрылся на обед. Я удивилась, узрев, с какой быстротой девочки разогнали покупателей и рьяно разбежались, кто куда: кто-то побежал на кухню разогревать свои банки с едой, кто спешно оделся и побежал в кафетерий. А вот куда пошла я в свой первый день практики – просто не помню. Может быть, меня после обеда отпустили домой?

Зато на следующий день, когда я пришла в магазин, мне нашлась работа. В этот день я познакомилась с другой сотрудницей технического отдела – Инной Д., женщиной лет на 8–9 старше меня (у неё очень тяжелая судьба, но об этом я расскажу позже). Я видела, как она не может найти многих книг по медицине, которые у неё спрашивали покупатели, рывшиеся в небольшом ящике с библиографическими карточками. Она не могла найти этих книг потому, что они были уже проданы, а карточки из картотеки вынуть забыли. Получался конфуз и бессмыслица, поэтому я вызвалась сверить картотеку с наличными книгами, вынуть ненужные карточки и написать новые на те книги, которые там не были отмечены.

Если бы я знала, за какую адскую работу взялась! Нет, нельзя сказать, что в картотеке не было порядка. Честно говоря, я и сама удивилась, обнаружив, что она во многом совпадает с наличностью. Но ещё больше меня удивило то, что я могла разобраться и с карточками, и с книгами – ведь они были на английском, французском и немецком языках. Каторга началась, когда я приступила к описанию тех книг, на которые карточки не были написаны. С английскими и французскими книгами я ещё кое-как справлялась, слова «tome» и «volume» кое-как я разобрать могла, но всякие разные «herausgegeben» и «Bände I und II» просто вгоняли меня в пот. Кроме того, длиннющие названия немецких медицинских книг наводили на меня дикую тоску. Мне пришлось разворотить все четыре полки, которые были заняты всей этой медицинской, выложить часть книг на прилавок и описывать их, сидя или стоя за этим же прилавком. До конца рабочего дня я этого сделать не успела, а на следующий день – кажется это была пятница – мне полагался выходной. Когда же я в субботу вышла на работу, мне сделали маленький втык за то, что я оставила все книги, не доделав картотеку. Но ничего страшного от этого не произошло. Я всё же довела работу до конца и потом старалась следить за тем, чтобы карточки на проданные книги сразу же уничтожались, а на новые книги сразу же писались. Этой картотекой мы какое-то время пользовались, а потом она стала не нужна – мы перешли на так называемый «свободный доступ». Сейчас этот метод просто повсеместен, а в те времена считался новшеством и был чреват тем, что книги очень легко можно было украсть – ведь тогда не было никаких электронных «чипов», не было и электронных ворот, через которые входят и выходят покупатели. Все зависело только от внимательности и рливости продавцов. Надо сказать, что большинство наших покупателей были абсолютно честными людьми, иначе при нашем роте-зействе они могли бы спокойно вынести полмагазина, прежде чем мы бы чухнулись. Среди них встречались и больные люди, и настоящие воры. Прозвищем для подозрительных в этом отношении покупателей стало словечко «саккетти». Это фамилия одного из наших покупателей, которого подозревали в воровстве книг – кажется, он даже был профессором каких-то наук. Я его никогда не видела, но хорошо понимала, что надо повнимательней посматривать, когда кто-нибудь из наших спрашивал: «А к нам Саккетти сегодня не приходил?», – или: «А Саккетти сегодня никто не видел?»

Что же касается всяких прозвищ и кодовых словечек, то это совершенно особая тема. Вкратце можно сказать, что своих постоянных покупателей мы называли «семьдесят девятыми» (по номеру нашего магазина), мужей – «семьдесят вторыми», а поклонников и любовников – «тридцать шестыми». Если про кого-то из девчонок говорили, что она сегодня рабо-

тает в «36-ой библиотеке», это означало, что она отправилась на свиданку. Друг друга мы называли «тюльпанчиками». Женатый мужчина назывался «изданием в 2-х томах», а если его жена была беременна, то их уже называли «изданием в 2-х томах с комментариями». Пойти в туалет называлось «пойти к Марии Яковлевне на большой или малый отчет». Дело в том, что нашего бухгалтера действительно звали Марией Яковлевной. А куда внезапно могла отлучиться приличная девушка из-за прилавка? Разве только в бухгалтерию.

Я ещё не упомянула, что директора нашего магазина звали Александрой Фроловной. Сотрудники постарше называли её Шурой, а мы говорили ласково «Дирчик». Самое забавное состояло в том, что я долгое время не могла её увидеть. Она то ли ещё находилась в декретном отпуске, то ли не хотела выходить из него. Когда же мне, наконец, довелось её лицезреть, я была разочарована. Она оказалась невысокой невзрачной женщиной, правда фигура у неё, несмотря на недавние роды, была довольно ладная. Гладкие волосы неопределенного цвета были завязаны сзади в хвостик. В то время ей было лет 36, она родила свою дочь достаточно поздно, и это был её единственный ребенок. Мелькнула наша директриса, словно комета, и снова исчезла. Уже потом я разглядела её как следует и увидела, что у неё синие глаза и пухленькие руки, даже с ямочками – руки ленивицы, хотя она прекрасно умела все делать. Александра Фроловна была дочкой простых родителей, её отец в свое время был шофером в «Москниге», она начала свою карьеру с младшего продавца в нашем магазине, затем поступила в Заочный институт советской торговли, но не закончила его. Своим продвижением по службе она была более всего обязана своему партийному билету и пролетарскому происхождению, хотя сама по себе она была совсем не глупа, но не так уж честолюбива. До неё этот ответственный идеологический пост занимала Белла Давыдовна Красная, женщина умная и гораздо более интеллигентная. Я не сразу поняла, что магазин носит свой особый характер, благодаря тем традициям, которые заложила Белла Давыдовна. Она тоже была партийной, но в ней это было не главное. В то время она была уже на пенсии. Я видела её только один раз, когда Белла Давыдовна пришла навестить своих прежних сотрудников. Видно было, что это умная и энергичная женщина, к которой относятся с уважением. Дисциплина, требовательность к себе, честность сотрудников – это все было при ней, а при Фроловне эти принципы постепенно размылись, перестали быть обязательными. Но тогда я всех этих нюансов не улавливала. Мне казалось, что в нашем магазине вот так – хорошо, по-честному – было, есть и будет всегда.

Если Александра Фроловна и не произвела на меня особого впечатления, то уж, конечно, товаровед Елена Павловна В-ва была очень эффектной женщиной и могла произвести впечатление на кого угодно, особенно в то время. Ей тогда было 49 лет. Она была статной женщиной с высокой грудью, узкой талией и широкими бедрами. Черты лица были некрупные, очень приятные. Глаза карие, глубоко посаженные, красивого разреза. Носик – прелесть, рот – тоже, и очень хорошие зубы, за которыми она следила. Очень приятная улыбка и невероятный у такой крупной женщины почти детский нежный голосок. Волосы у неё были каштановые, она их подкрашивала, потому что в них уже проступала седина. Держалась она прямо и выглядела всегда лет на десять моложе. Её имя было окружено легендами.

Она всегда была хороша собой, её юность и молодость пришлись на предвоенные и военные годы (Елена Павловна родилась в 1921 году), училась в Институте иностранных языков, но не окончила обучение. Её отец, как она рассказывала, был директором крупного гастронома и, кажется, попивал. Дома у них ничего особенного не было, и даже фининспекторы, которые приходили проверять, как живет человек, занимающий такое прибыльное местечко, удивлялись: «Ну, В-в, ты даешь! А ещё директор магазина!»». У Елены Павловны были очень красивые мама и тетя, и обе долгожительницы. У её мамы были такие же тёмные карие глаза, прекрасная фигура, только волосы были абсолютно седыми. Оказалось, что Елена Павловна училась в одной школе, находившейся на Проспекте Мира, вместе с моей институтской преподавательницей английского языка Ниной Исидоровной Либерман, о которой Елена Павловна говорила:

«Ну, Нинка всегда была очень умная!». Сама Елена Павловна тоже была умной, обаятельной и сердечной женщиной. У неё был хороший вкус, и она красиво одевалась. Впервые я её увидела в длинной норковой шубе и изящной меховой шапочке, которая очень ловко сидела у неё на голове. Она могла себе это позволить, так как в то время уже была замужем за Александром Александровичем Дейнекой, одним из главных советских художников. У него была дача в Переделкино, двухкомнатная квартира на Пушкинской площади, старенький «Москвич» и даже свой шофер – по нашим советским понятиям, они просто купались в роскоши. При моей зарплате в 85 рублей плюс кварталка в 40 рублей положение Елены Павловны казалось мне заоблачным, но никогда не вызывало зависти. Она была такой милой, приятной и умной женщиной, что я могла завидовать лишь её красоте и обаянию – ведь в её жизни было столько интересных мужчин. В букинистический магазин она перешла из Госконцерта, Елена Павловна была там администратором или ещё кем-то. Говорили, что у неё был роман с Николаем Р., известнейшим артистом оперетты и невероятным красавцем. Дейнека увидел её в нашем магазине. Он был намного старше, на целых двадцать лет, ей тогда было около сорока. Она долго и умело скрывала этот роман, пока через девять лет они, наконец, не поженились. Как рассказывала она сама, Александр Александрович сказал ей: «Я не хочу, Лёля, чтобы всё после моей смерти досталось государству. Лучше пусть всё останется тебе». Он был ещё жив, когда я пришла в магазин, и один раз мне довелось услышать его голос, когда он по телефону попросил Елену Павловну. Это был голос очень пожилого и очень больного человека. Он умер от цирроза печени, и через год его не стало.

Короче говоря, Елена Павловна была общепризнанной звездой нашего магазина, вокруг неё постоянно вились какие-то солидные мужчины, которые постоянно норовили поцеловать её руки, а она их прятала за спину, смущалась и приговаривала своим детским голосом: «Нет-нет, не надо, они у меня грязные от книг». И это была правда: мы все после покупки становились грязными, как шахтеры в забое. Мне же Елена Павловна казалась кладезем премудрости в нашем деле, потому что все только и ждали её прихода, чтоб она разобрала и оценила кучи книг, которые лежали в товароведке на сохранных расписках. Дело в том, что Елена Павловна, как примадонна, приходила на работу по своему расписанию. Муж болел, она часто плохо себя чувствовала, и у кого же хватило бы духу приказать ей приходить на работу каждый день и работать четко по графику? Поэтому товароведка часто пустовала, а в окошке красовалась надпись «Покупки нет».

Кстати, меня удивляло то, что никаких окошек в нашей товароведке, собственно говоря, и не было. Товароведку от торгового зала отделяла высокая, но довольно легкая и редкая решетка, в которой находились два больших окна. Со стороны товароведки у каждого из окон стоял большой стол. Стеллажи с купленными книгами находились за спиной товароведов, у стены. Таким образом, все, что там лежало, было доступно обозрению покупателей, из-за чего часто возникали конфликты. Какой-нибудь не в меру глазастый покупатель мог заметить, что на стеллажах лежат романы Агаты Кристи или какой-нибудь драгоценный учебник, вроде Бонк или Поповой и Казаковой, и начинал требовать, чтобы ему их продали. А у нас на эти книги были совсем иные виды. Ну, и сами понимаете, что из этого получалось. Когда я начала работать более или менее самостоятельно, я переставила стеллажи глухой стеной к торговому залу, но это произошло не сразу. Поначалу для меня авторитет Елены Павловны был непререкаем, а ей, по-видимому, было безразлично, что и где стоит. К тому же она обладала потрясающей способностью улаживать конфликты, идя навстречу всем требованиям настырных покупателей. С одной стороны, она была просто добрым человеком, а с другой стороны ей было проще уступить, чем вступать в пререкания.

В товароведке, ближе ко входу в кухню стоял круглый стол, заваленный кучками книг, оставленными нашими «продавателями» под сохранные расписки. Некоторые кучки лежали

там месяцами, а их владельцы ждали, когда Елена Павловна придет в магазин и разберется с их добром.

Когда же, наконец, объявляли покупку книг открытой (обычно на полдня, на большее денег в кассе не хватало), в магазине начиналось светопреставление. На прием книг садились: сама Елена Павловна, Александра Фроловна, Вера С, а потом и я. Ещё до открытия магазина на улице образовывалась очередь, и когда двери магазина открывались, вся орава «продавателей», давясь и толкаясь, влетала в магазин. Порой начиналась перепалка, кто тут первый, а кто – второй, словом, все было как у всех в эру всеобщего дефицита. Мы старались держать эту орду в относительном порядке и работали по возможности быстро, но это стоило больших нервных затрат. Тут же разрывался телефон, по которому требовали ту же Елену Павловну. Тут же вспыхивали конфликты по поводу отбора книг и их оценки, гасить которые призывали ту же Елену Павловну. Ей это и льстило, и одновременно жутко надоедало. Время от времени из кассы доносился вопль нашей Софочки, что все деньги кончились и что нам следует прекратить писать квитанции. «Продаватели» начинали ещё больше нервничать, а мы пользовались небольшой передышкой, чтобы попить чайку или перехватить бутерброд (а кое-кто и сладкую булочку). Потом какой-нибудь из покупателей платил что-нибудь в кассу, и вся кутерьма начиналась заново.

Короче, к 14:00, когда магазин закрывался на часовой перерыв, у всех, кто сидел на покупке, разыгрывалась дикая мигрень. Те из «продавателей», которые никак не успевали оформить свои книги, рвали и метали или слезно просили нас принять их после обеда, на что никто не соглашался, и, наконец, со скандалом или с уговорами мы закрывали покупку и в изнеможении после четырехчасовой непрерывной писанины отправлялись на кухню обедать и пить чай. Елена Павловна своим невероятным детским голоском жаловалась на головную боль и ломоту в пояснице. Остальным тоже было неважно. Меня со временем все это стало очень удивлять: зачем копить столько проблем и потом стараться разрешить их за полдня? Почему нельзя наладить систематическую покупку книг? Зачем этот глупый перерыв в самый разгар работы? Неужели нельзя отдохнуть и пообедать по очереди? Могу сказать, что позже, когда мои позиции в магазине окрепли и опыта у меня стало чуть побольше, я перестала закрывать покупку, вот только с обеденным перерывом поделаться ничем не могла. Ну, об этом позже.

Я уже успела упомянуть Веру С, нашего второго товароведа после Елены Павловны. Сначала, когда я пришла в магазин ещё на практику, я долго не могла её увидеть, потому что она училась в Педагогическом институте на вечернем филфаке и в январе сдавала сессию. Когда же мне, наконец, довелось увидеть её впервые, я была просто поражена: Вера оказалась очень полной женщиной с серьезным лицом и в больших очках с сильными линзами. Естественно, она показалась мне старше своих двадцати двух лет. Но когда я услышала, как она смеется, и увидела, как жизнерадостно она поедает сладкие булочки, я сразу же признала в ней ровесницу, и, честное слово, очень обижалась за Веру, когда потом слышала от покупателей: «Вот у вас здесь пожилая женщина работает, позовите лучше её». Я все думала: да неужели у вас глаз нет? Разве вам не видно, что перед вами молодое существо? Правда, Верочка чаще всего вела себя серьезно и очень вальяжно, но когда она принималась хихикать или просто смеялась, сразу было видно, сколько ей лет.

Ещё Вера поразила меня тем, что я до этого просто не встречала женщин её типа. Поначалу и очень долгое время потом она казалась мне ни на кого не похожей, а вот сейчас я довольно часто вижу женщин её типа, похожих на неё лицом и телосложением, и даже иногда принимаю их за неё. Но тогда у меня такого опыта не было, и Вера казалась мне единственной в своем роде.

Мы очень быстро с ней подружились, и это была её заслуга. У Веры было одно качество, которое крайне редко встречается у женщин: она очень охотно делилась своими знакомствами с представителями другого пола. Надо признаться, что таких знакомств, дружб, полудружб,

флиртов и полуфлиртов у Верочки было великое множество, а у меня их вовсе не было, и мне их только хотелось иметь. Не только я, но и другие наши девушки не переставали удивляться, как это Вера, несмотря на свой облик солидной дамы, умудряется завоевать внимание такого множества разнообразных мужчин и молодых людей. Дело было в том, что Вера умела их слушать, да ещё с серьезным видом. А что ещё мужику надо, чтобы распустить свой павлиний хвост? Вот они и распускали перед Верой свои хвосты, она же пользовалась их вниманием и любила быть в окружении мужчин, но очень охотно давала их «поносить со своего плеча». Так она познакомила меня с Мишей Гутерманом, Мишей Тарасенковым, нашим 79-м Славиком, Герой Бахчиевым¹, с красавцем Боренькой Ерофеевым, с просто Сереженькой, у которого были очень красивые глаза, и даже с главной своей драгоценностью – Сережкой (Ильдаром) Хановым, начинающим художником из Татарии, учеником Дейнеки. Она так щедро делилась своими знакомствами и делала это с таким благожелательством, что это казалось просто невероятным. Потом я увидела, что Вера вообще любит делиться тем, что у неё есть, и что она очень внимательно относится к желаниям и предпочтениям знакомых ей людей. Никто другой не мог сделать именно такой подарок, какой тебе хотелось. Например, вскоре после нашего знакомства, Вера купила себе смешную игрушку – заводного слоника, который мне очень понравился. Я не помню, чтобы я вслух выразила желание иметь такого слоника, но видимо, восхищалась им, а Вера заметила это и подарила его мне на день рождения. Честное слово, я на такое была не способна. Потом я просто старалась учиться у Веры этому умению – быть внимательной к пожеланиям других людей. Иногда мне это удаётся.

Ещё я узнала, что Вере довольно трудно живется, даже в чисто материальном аспекте. Её мама Лия Соломоновна была очень больным человеком и получала пенсию в 30 рублей, то ли по инвалидности, то ли за покойного мужа, Вериного отца. Вместе с Вериной зарплатой в 85 рублей это составляло их семейный бюджет. Учитывая то, что у них много денег уходило на лекарства и на консультации у врачей, на жизнь оставалось совсем немного. Тем не менее, в их доме постоянно толклись родственники из других городов – Кишинева, Казани, Саранска и прочих – или гости, в том числе и я. Само собой, они жили очень экономно, и Вера во многом была вынуждена себе отказывать, но при этом она умудрялась ещё делиться тем малым, что у неё было. Она могла отдать половину еды со своей тарелки или одолжить денег до зарплаты, или сделать какой-нибудь небольшой, но приятный подарок. Она часто покупала сама себе цветы, хотя ей их иногда и дарили. Цветы были единственной вещью, из-за которой Вера умела торговаться. Во всем остальном, она была, что называется «интеллигентным человеком» – не пила, не курила, не ругалась матом и не любила скабрёзных анекдотов.

Вера была очень привязана к матери, и в прямом, и в переносном смысле. У Лии Соломоновны было больное сердце, и у неё часто бывали приступы, во время которых ей страшно было оставаться одной или даже с соседями, поэтому она тут же звонила Вере, а та срывалась с места и неслась домой, в Фурманый переулок (она доезжала туда за полчаса). Я всегда изумлялась той быстроте, с которой Вера бросалась к телефону. Она постоянно ждала звонков матери и боялась их. Конечно, до поры до времени все обходилось, но Вера постоянно жила как на пороховой бочке. Если она была у кого-то в гостях, она несколько раз звонила матери и часто уходила домой раньше, чем ей хотелось. По приходе домой её первый вопрос был: «Сусик, как ты себя чувствуешь?». И Лия Соломоновна начинала тщательно перечислять, где, как и что у неё болело в течение дня. Кстати, Вера тоже умела очень подробно рассказывать о своих болезнях, унаследованных от мамы. Однажды у нас с ней состоялся изумительный диалог. Вера пришла на работу и с утра пораньше заявила, что она себя очень плохо чувствует,

¹ В те времена Гера Бахчиев читал лекции в Музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки, посвященные джазу. Он ввел туда Надежду и Вадима Севницких, и Надя начала читать нам лекции по истокам американской поп-музыки. Первой ее лекцией была лекция о главном ее кумире – Элвисе Пресли.

потому что не выпалась. Я выразила сочувствие и спросила, что ей мешало спать. Далее шел собственно Верин монолог.

Вера: – У меня безумно болела спина.

Я покачала головой.

Вера: – Потом у меня заболел зуб.

Я сочувственно охнула.

Вера: – Я просто не знала, куда положить голову, так она у меня болела.

Я от жалости зажмурилась.

Вера: – А ещё у меня совершенно отнимались ноги.

Я широко открыла глаза.

Вера: – И знаешь, ещё разыгралась такая тахикардия, просто ужас.

Я раскрыла рот.

Вера: – И как назло, ещё разболелся живот, я никак не могла его успокоить.

Я начала хихикать.

Вера: – Кроме того, была такая духота, я просто задыхалась.

Тут я начала просто ржать. Вера посмотрела на меня и начала хохотать вместе со мной.

Вера познакомила меня и со старшими представителями наших постоянных покупателей. Одним из них и самым, пожалуй, любимым был Петр Иванович Заболотный, военный, переводчик технической литературы. Она показала мне М. В. Куприянова из Кукрыниксов, он приходил к Елене Павловне. Приходил к нам режиссер Л. З. Трауберг, которого мы недолюбливали, потому что он без спросу лез в товароведку, а потом ябедничал на нас с Верой Елене Павловне. Приходил к нам известнейший знаток творчества Гёте и Шекспира А. А. Аникст. Приходили знаменитейший переводчик В. Левик, будущая звезда нашей философии Сергей Аверинцев со своим другом Александром Михайловым, они оба тогда работали в ИМЛИ; приходил будущий преподаватель Высших литературных курсов Станислав Дж-ов, писатель Сергей Антонов, математик Виктор Иосифович Варшавский. Почти со всеми из них меня познакомила Вера. О Петре Степановиче Р-ве и Николае Ивановиче Шенько речь ещё впереди. И было ещё много интересных людей среди наших покупателей: и поэт Александр Галич², и араб – режиссер фильма «Черные очки», и Юрий Никулин, и Георгий Вицин, и разные-разные другие. Женщин среди наших постоянных покупательниц было мало, но мы как-то об этом особо не жалели.

Вообще все мы ходили в магазин отнюдь не для того, чтобы работать. Конечно, нам нужно было выполнять план, и мы с этим более или менее успешно справлялись. Но на самом деле мы приходили туда, как другие люди ходят в клуб – для приятного общения друг с другом и с нашими постоянными покупателями. Центром притяжения общих сборищ была наша кухня. Большое и бестолковое помещение, разделенное колонной, на которой висел плакат с изображением Владимира Шубарина, вмещало в себя длинный стол, газовую плиту с двумя конфорками, шкаф для посуды, холодильник и несколько стульев. Под зарешеченным окном, располагавшимся в верхнем правом углу, стояла длинная скамейка, с которой можно было взобраться на подоконник, а с него уже дотянуться до форточки. По кухне в изобилии ползали тараканы, а иногда даже бегали мыши. Дом был старый, с деревянными перекрытиями – про-

² Александра Аркадьевича Галича я видела в нашем магазине раза два-три. Помню, он пришёл к нам в окружении нескольких совсем юных девиц. Он называл Александру Фроловну Шурой, а Елену Павловну – Лелей. Александр Аркадьевич пообещал нам принести куклу, которую ему подарил кто-то из Театра Образцова, если не ошибаюсь, и действительно, в следующий свой визит принёс нам огромную куклу – не то Дон Жуана, не то де Базана – и ещё маленькую Бабу-Ягу на помеле. Он усадил своего Дон Жуана в кресло в товароведке и надел ему на руку эту ведьму, сказав, что она – Донжуанова жена. Потом мы пересадили Дон Жуана на батарею под высоким окном, и он сидел там много лет вместе со своей Бабой-Ягой. Александр Аркадьевич много раз предлагал Фроловне разрешить ему придти к нам с гитарой и попеть свои песни у нас на кухне, но Фроловна всякий раз находила какие-то предлоги, чтобы ему отказать. Разумеется, она просто-напросто боялась неприятностей. А потом он уехал, и мы могли только вспоминать его.

сто рай для тараканов и прочей нечисти. Я их увидела там почти впервые в жизни, несмотря на то, что до 30 лет жила в деревянном доме. В своё время у нас было множество клопов, а вот тараканы как-то не встречались. Почему-то никого в магазине это не волновало. Елена Павловна часами высиживала на этой грязной кухне, там же она часто принимала своих подруг, а иногда и знакомых мужчин. После какого-нибудь очередного домашнего праздника она приносила нам остатки печенья, сухариков, вафель, и наши девушки дружно их доедали, а по остаткам остатков потом ползали тараканы. Тем не менее, мы все равно любили свою кухню, ведь отдохнуть нам было больше нигде. Директор Александра Фроловна явно предпочитала кухню своему кабинету, за исключением тех случаев, когда к ней обращался покупатель или приходило какое-нибудь официальное лицо. Даже директора Москниги Сергея Ерофеевича Поливановского мы умудрялись поить чаем на этой самой кухне. Вообще пройти с нами на кухню для наших покупателей было большой честью. Далекое не все были ею удостоены, хотя там побывали многие. Ведь у каждой из нас были свои избранные, помимо общих любимцев. Были и такие, которых мы приглашали туда на свои дни рождения или на празднование Нового Года. Некоторых, ставших нашими близкими друзьями, мы приглашали к себе домой. У нас сложился свой определенный круг молодых людей, с которыми мы охотно проводили время. Потом я о них расскажу.

Я назвала тут одно имя: Софочка. Софья Михайловна Ц. была в течение многих лет бесменным кассиром в нашем магазине. Она пришла туда работать после смерти мужа, оставшись с двумя дочками на руках – Фирой и Кларой. Софа была родом из белорусской деревни, и у неё был своеобразный еврейско-белорусский акцент. Она была маленького росточка, с темными-темными глазками и темными вьющимися волосами и розовыми щечками. В молодости она, наверное, была очень миленькая. К моему приходу в магазин ей было лет пятьдесят. До смерти мужа она жила в относительном достатке. Жили они в полуподвале на улице Станкевича, очень близко от магазина и иногда вместе с Фирой Софочка ходила обедать домой. Но чаще всего она жарила на обед картошку на нашей кухне, и никто никогда в моей жизни так вкусно не жарил картошку. Софья Михайловна пошла в кассиры, потому что до смерти мужа она нигде не работала, а наш магазин тогда был совсем рядом – на улице Герцена, 24. Старшей дочери Фире пришлось быстро приобретать профессию, она закончила курсы парикмахеров и какое-то время работала парикмахером, но потом она стала продавцом в нашем магазине в отделе искусства.

Софочка была тихой, скромной, мягкой женщиной и такой же была её младшая дочь, красавица Клара. А вот Фира, Фира – это отдельная песня. Она, видимо, характером пошла в отца, и хотя я этого долго не понимала, но потом узнала точно: Фира и была нашим магазином.

Несмотря на свои крайне стесненные обстоятельства, Софья Михайловна была предельно честным человеком. Если какой-нибудь покупатель оставлял в кассе сдачу в две копейки, она неслась за ним до самых Никитских ворот, чтобы отдать ему эти две копейки.

Её дочь Фира была единственным из нас человеком, пришедшим в торговлю по велению души. Если у кого уж и был коммерческий талант, так это у неё. Она была неплохим парикмахером, и потом ещё долго стригла, завивала и укладывала нам волосы на нашей кухне, а Александре Фроловне даже делала маникюр. Но в торговле она была действительно асом. Фира сама говорила, что под хорошее настроение она способна продать белого слона, и мы ей верили. Я помню, как к нашей товароведке подошёл поздороваться один из наших 79-х, очень пожилой архитектор, и с совершенно растерянным видом произнес: «Эта сирена дует мне в уши, что я должен купить какого-то Модильяни за восемьдесят пять рублей». И пошел, и купил. Фира умела сбывать какие-то залежавшиеся «гробы» иногородним библиотекам, впаривать дорогие альбомы более или менее состоятельным покупателям, она назначала цены, отбирала книги для приема и помогала нам, товароведкам, сбывать те книги, с ценами на которые мы ошибались. У Фире не было никакого специального образования, и она не знала ни одного иностранного

языка, зато она знала своё дело. Помимо книг по искусству, с которыми разобраться было довольно просто, так как многие из них входили в различные серии – например «Hachette», «Rizzoli», «Skira», – в отделе искусства продавались гравюры, и надо отдать должное Фире, она со временем тоже начала в них прекрасно разбираться. Говорили, что её консультировал Исаак Кон, человек пожилой и опытный. Кажется он был врачом, и Фира консультировалась у него по всем вопросам. Во всяком случае было заметно, что её здесь ведет чья-то опытная рука. Мы с Верой в этом вопросе больше полагались на мнение Петра Степановича Р-ва и смогли кое-чему у него научиться.

Помимо своей непосредственной работы Фира занималась и многими хозяйственными проблемами нашего магазина. Поскольку наша Фроловна относилась к ним спустя рукава, именно Фира ездила в ОХО (Отдел Хозяйственного Обеспечения) и выбивала там крафт, билетную бумагу, мыло, полотенца, лампочки, туалетную бумагу и всё прочее. Кроме того, она долгое время была нашим профоргом, пока я не сменила её на этом почетном посту и не подложила намеренно ей маленькую свинью, за что Фира на меня долго обижалась, но потом простила. А дело было так. Фира не без основания считала себя очень ценным сотрудником и полагала, что ей нечего каждый день торчать с 10 до 19 на работе, когда она может выйти на три дня и сделать весь месячный план. Поэтому, я думаю, она просто нашла себе в поликлинике врача, который выписывал ей бесконечные бюллетени. При этом всякий раз с разным диагнозом. Пока Фира сама была профоргом, никто этого не видел, потому что оформляла и подписывала эти бюллетени она сама. Остальные девчонки-продавцы просто стонали от её постоянного отсутствия, так как от нехватки рабочих рук им приходилось нести двойную нагрузку, порой они сами не могли взять себе свои законные выходные на неделе или даже бюллетень. Увеличивалась опасность заработать недостачи. Они злились на Фиру, но ничего не могли поделать. Когда я стала профоргом, я начала нажимать на Александру Фроловну, чтобы мы сделали официальный запрос в Фириной поликлинике, почему у неё столько болезней и почему её никак не вылечат. Наша Фроловна вертелась ужом, чтобы избежать этого, но я её все же доняла, и мы послали такое письмо на имя заведующего поликлиникой. После этого Фира стала сидеть на бюллетенях несравненно реже, но смотрела на меня, как на предательницу, и прямо заявила мне об этом. Я не обиделась, потому что считала, что поступила правильно. Вообще Фира относилась ко мне очень хорошо, и я её любила, но мы слишком хорошо друг друга знали – все наши достоинства и недостатки были как на ладони.

Я относилась к Фире, как к старшей коллеге, хотя она была старше меня всего на два года, но во многих отношениях она была гораздо опытнее меня. У неё были какие-то знакомые в музыкальном мире, и Геннадий Рождественский, который иногда приходил в магазин со своей мамой, или сын Оскара Фельцмана Владимир Фельцман считались её законными клиентами.

Фира не была какой-то потрясающей красавицей, но у неё была очень соблазнительная гитарообразная фигурка, прямые ножки в туфельках с перепонками и на высоких каблуках, большие темные глаза, похожие на маслины. Она всегда была очень аккуратно причесана, очень чистоплотна, с темно-красным маникюром, с ярко накрашенными губами и довольно ярко одета. В красной кофточке с короткими рукавами, на высоких каблуках она выглядела очень эффектно, а на фоне заснеженных витрин – как огонек на снегу. Помню, мы с ней оказались в торговом зале вдвоем, она копошилась в своем отделе искусства, а я стояла в техническом отделе. Сначала никого из покупателей не было, а потом вошли три, как сейчас бы сказали, лица кавказской национальности. Они что-то спросили, и не успела я ответить, как Фира пробежалась по двум катетам, образованным прилавками разделявшими нас, привычным жестом обеих рук подбила снизу и без того высокую грудь, словно это была подушка, и елевым голосом спросила: «Что товарищи желают?». Естественно, я тут же уступила ей место, а она начала этих азербайджанцев «красиво обслуживать».

Кстати, о Фириной груди. Она рассказывала, что ещё до меня с ней произошёл такой случай. Какой-то старичок попросил её показать гравюры. Папки с гравюрами у нас обычно лежали под прилавком. На Фире было платье с вырезом «слёзкой». Когда она нагнулась, одна из её грудишек выскользнула из этой «слёзки» наружу. Запихнуть её обратно она не могла, так как обе её руки были заняты. Когда бедный старичок увидел выпрямившуюся Фиру, у которой из выреза в боевом виде торчала одна из её прелестей, он прислонился к колонне и начал тихо сползать по ней вниз. А Фира, как ни в чем не бывало, положила папку с гравюрами на прилавок, а уже потом занялась своим бюстом. Дальнейшая судьба старичка мне неизвестна.

Между прочим, Софья Михайловна тоже у нас порой отличалась. Помню, мы уже закрыли магазин, но в нём ещё оставался Петр Степанович, который замешкался со своими калошами. И тут, как всегда, со стороны кухни на него идёт Софа, задрав подол платья и поправляя на ногах резинки белого трико. Когда мы её начали стыдить, мол, Софья Михайловна, как вы могли поправлять штаны при мужчине, она ответила буквально фразой из анекдота: «Так что ж? Они ведь чистые». И это было истинной правдой.

Когда мы с Фирой только познакомились, она была по уши в долгах, потому что была молода, хороша собой, ей хотелось красиво одеться и иметь дорогую косметику. Я, помню, пришла в ужас, когда услышала, как Фира рассказывает о том, что у неё украли из сумки косметичку, в которой было всякой дребедени на целых восемьдесят рублей – целую нашу зарплату. У меня вообще никакой косметики не было, мне она была не нужна, и пользоваться я ею не умела, а мысль, что такую прорву денег можно угробить на какую-то белиберду, никак не укладывалась у меня в голове.

Со временем Фира как-то вся потухла, стала постоянно жаловаться на здоровье, несмотря на то, что у неё появился состоятельный любовник, которого она называла «шкаф» за его крупные габариты. Сейчас я подумала: может быть, его следовало называть «сейф»? Кроме этого, мы ничего о нём не знали, разве только, что он в отхожем месте читает журнал «Молодой коммунист». Конечно, Фиру подкосил быстро прервавшийся роман с лабухом Фимой. После этого она уже стала какой-то другой, постоянно покупала дорогие лекарства, которые не пила, кожа на лице у неё стала желтеть, держалась она не так прямо. Она приползала в магазин ненакрашенная и начинала ныть, жалуясь на вегето-сосудистую дистонию, на то, с каким трудом она встает по утрам и идёт на работу, и каких усилий ей стоит вообще стоять на ногах. (По сути дела, мы все с утра чувствовали себя точно так же, только не ныли). Потом Фира со своей косметичкой отпраивалась на кухню на ближайšie полчаса, и дозваться её за прилавок в это время было совершенно невозможно. Зато потом она, совершенно преображенная, вылетала из кухни, и где оставалась больная, слабая, несчастная женщина с жалкими пучками незаколтых волос? Это всякий раз напоминало преображение куколки в бабочку, и всякий раз меня поражало. Наверное, Фира искренне верила, что ей хуже, чем нам всем, хотя мы точно так же уставали, так же нам требовалось время, чтобы придти в себя после прихода на работу. Большинство из наших продавцов были молодыми матерями и вставали ни свет ни заря, чтобы успеть отвести своих отпрысков в детский сад или спровадить их в школу. Когда они приходили на работу, было уже 10 часов, и все дружно бросались на кухню попить горячего чаю и съесть булочку. Только после этого с них можно было хоть что-то спрашивать. Я включалась в работу сразу, но исключительно потому, что обычно опаздывала минут на 15–20, так как всегда спала до последней минуты. При этом я завтракала довольно поздно, поэтому мне не нужно было бежать из раздевалки на кухню. Приходить же на работу до открытия магазина у нас считалось моветоном, да и никому это было не нужно. В конце концов, свой план мы и так выполняли, а покупатели и «продаватели» подождут, не сахарные.

Короче говоря, вдоволь нахватавшись одной рукой за сердце, а другой за голову, назвевшись бесчисленными пузырьками с корвалолом и валокардином, Фира старательно накладывала на себя косметику, причесывалась волосок к волоску, душила, проверяла подмыш-

ники, одергивала платье, и торжественно шествовала за прилавок, где давно уже переминались с ноги на ногу ожидавшие её покупатели. Фира расправлялась с ними мгновенно, как повар с картошкой. Минут через 5–10 они гуськом плелись в кассу, чтобы выложить там приличную сумму, а Фирюня бодро заворачивала товар в дефицитную билетную бумагу. Собственно говоря, потом она могла целый день ничего не делать. Когда они уходили, Фира гордо покидала торговый зал и снова отправлялась на кухню: теперь уже есть кислую капусту с кусочком черного хлеба, к которой она прикладывалась раз восемь за день. Она жевала капусту, чтобы не поправиться, поэтому, естественно, целый день ходила полуголодной и, может быть, испытывала от этого слабость. Так кто ей мешал поесть как следует?

А я помнила времена, когда Софочка жарила для неё и для себя свою несравненную картошку или варила на обед манную кашу, в которую Фира подмешивала кусочек шоколадки, чтобы было вкусно и экономно. Теперь же Фира откушивала всё «с рыночка» и уезжала домой на такси, уже в новую квартиру на Тушинскую, нагруженная десятью сумками, которые она с утра тоже привозила на такси с Тишинского рынка. Иногда она занимала у кого-нибудь из нас пять рублей на такси, так как ей не хотелось менять свои пятьдесят. Нас это возмущало, но мы ей все равно давали. В любом случае, Фира всегда оставалась «нашей» Фирой, как бы ни менялись времена и обстоятельства.

Когда-то, ещё в «до-шкафовские» времена у Фиры завелся милый друг с Останкинской телебашни. Потом она с ним поругалась так сильно, что разбила об его голову хрустальную вазу. По этому поводу на очередной Новый Год мы подарили нашей Фирочке термометр в виде Останкинской телебашни, а я накропала ей такие стишки:

Лишь тот постигнет и поймет,
Кто знает нашей Фиры шашни,
Зачем ей дарим в Новый Год
Изображенье этой башни.
Что ещё измерит лучше
Темперамент Фиры жгучий?

Вообще праздники у нас было принято отмечать широко. Самой большой затейницей на этот счёт была Вера. Она собирала с нас маленькие суммы, покупала на эти деньги всякие приятные пустячки и устраивала лотереи. А ещё писала поздравительные стихи, потом к этому занятию подключилась и я. Затем Вера стала делать к нашим юбилеям замечательные стенгазеты, каждой – в её стиле. Здесь ей помогал художник Серёжа Ханов или его брат Ильгиз. У меня тоже была такая газета, которую Вера сделала к моему тридцатилетию, но при переезде на другую квартиру я не взяла её с собой сразу, а потом она пропала. Вера наклеивала туда наши фотографии, вырезки из журналов, писала стихи от имени наших любимых актеров или постоянных покупателей. В моей газете главное поздравление было от Высоцкого, очень смешное. В нём Верушка, что называется, протащила моих друзей-алкоголиков с «Союзмультфильма». Но ничего обидного в этих стихах никогда не было.

Обычно на праздничный обед мы брали цыплят-табака или бастурму в гостинице «Советская». Это уж была Фирина забота. Она одна или с кем-нибудь из девочек моталась туда на такси. А на свои дни рождения мы обычно готовили что-нибудь своё и приносили в магазин. Сладкого и выпивки у нас было просто завались – от благодарных покупателей. Водка, коньяк, вино – все это у нас не переводилось. Шоколадок и шоколадных наборов нам приносили так много, что наша Людочка Б. стала вести два списка «Шок.» и «Шок. наб.», где отмечалось, кому в данный момент полагается шоколадная плитка или шоколадный набор. Правда, особо шикарные наборы мы делили на всех, как и прежде. Фира часто предлагала нам выпить «по восемь грамм», что означало налить чайную ложку коньяку в чай.

Среди наших постоянных покупателей были очень щедрые люди, хотя совсем и не богатые. Например, к нам приходила одна очень милая дама по имени Мара Ивановна. Она интересовалась немецкой классической литературой и покупала собрания сочинений Гёте, Гофмана, Шиллера, а потом почему-то их продавала. Как только она получала за них деньги, она шла в булочную в дом на улице Герцена, расположенный напротив нашего магазина, и покупала нам торт. Мы уговаривали её этого не делать, но она говорила, что это доставляет ей удовольствие. За нашей молодой красоткой Татьяной Ф. (в замужестве Н.) совершенно безнадежно ухаживал один уже немолодой человек. Он на последние деньги покупал ей торты и пирожные. Естественно, мы дружно их поедали, хотя вроде бы и совестно было. Он называл Татьяну «динозавриком» и только любовался ею, а нам предоставлял пользоваться его слабостью. Вообще-то и Елена Павловна рассказывала об одном своем пожилom воздыхателе, который приглашал её, Александру Фроловну и ещё кого-нибудь из наших к себе домой и закатывал лукулловы пиры, сам же в это время играл для них на фортепиано. Ну что ж, такова жизнь.

Кто-то, теперь уже не помню, кто именно, сосватал нам с Верой человека по имени Гарт Сергеевич. Он оказался славным дядькой лет пятидесяти, имел какое-то отношение к спорту, даже как-то раз отправил Веру в байдарочный поход под видом инструктора. Я даже не помню, какими книгами он интересовался, возможно, классическими детективами. Но самое главное, он приносил нам брагу хорошей очистки, которую наш 79-й Алик окрестил «гартовкой» и очень высоко ценил. Мы-то предпочитали «Болз» или чего полегче. Правда, «Болз» нам не очень часто доставался, зато «Арбатское» лилось рекой, потому что его каждую субботу приносил тот же Алик, тоже очень щедрый человек.

Глава 2. Галка «Сыр» и Алик Прохоров

Ну, вот, теперь надо рассказывать об Алике. Но для того, чтобы рассказывать о нём, надо сначала рассказать о Галке «Сыр», и это очень-очень длинная история.

С этой весьма экстравагантной дамой я познакомилась вскоре после моего прихода на практику. Галина Федоровна в то время работала в магазине уборщицей. Почему-то в первые дни моей работы там я её не видела. Вообще, чистоте в нашем магазине как-то особенного значения не придавали, а может быть, в эти дни убирался кто-то другой, уж и не помню. Короче говоря, в один прекрасный день заявила перед обедом в магазин толстая неопрятная бабёха неопределенного возраста в каком-то засаленном черном пальто, с голубым полушерстяным платком на голове и в калошах, надетых прямо на шерстяные носки, которые в свою очередь были натянуты на чулки, перетянутые прямо над толстыми коленками круглыми резинками. На простецкой физиономии глазу, что называется, не за что было зацепиться: глаза голубенькие, простенькие, нос вроде бы курносый, рот обыкновенной, разве что зубов не хватает, щеки круглые, волосы жидкие, бровки тоже. Если бы она старалась казаться любезной или просто бы улыбалась, то она могла бы казаться обыкновенной, но приятной женщиной, без особых затей. Но в выражении её лица было что-то напористое, а в манере говорить – агрессивное, и я сразу заподозрила в ней некоторую недоброту. Со мной она даже не поздоровалась, с другими же здоровалась по-разному: с кем-то задиристо, с кем-то поприветливей, с кем-то даже высокомерно. В общем, такую тётю нельзя было не заметить.

Она наплюхала воды в ведро, вытащила его на середину торгового зала, принесла швабру и тряпку, но за мытьё и не думала приниматься. Дождавшись, когда мы закроем магазин на обед, она вытащила из своей сумки какие-то фотографии, разложила их на прилавке и буквально приказала девочкам их рассматривать. Я не помню, чьи именно это были фотографии – конечно, какого-то артиста. Все девчонки посмотрели на них, поохали, повосторгалась и отправились обедать. Мне вовсе не хотелось смотреть на эти фотографии, но я решила все же из вежливости посмотреть на них. Я подошла к прилавку и стала их перебирать. Не успела я толком до них дотронуться, как бабёха коршуном налетела на меня, вырвала их у меня из рук, схватила остальные, лежавшие на прилавке, собрала их в кучу и запихнула в свою сумку, а мне сказала с высокомерным видом: «Это не может тебя (или вас?) интересовать».

Мне стало ужасно обидно. Мне действительно они были не очень интересны, но такого хамства и пренебрежения со стороны какой-то уборщицы я никак не ожидала. В те времена я была ещё девушка чувствительная, и от несправедливой обиды у меня слезы навернулись на глаза. Я в расстройстве побрела на кухню и попыталась выбросить из головы этот эпизод, но мне это никак не удавалось сделать. Громкий голос бабёхи и её хозяйские манеры продолжали раздражать меня, и я только и ждала, когда она, наконец, сгинет.

В следующие её приходы я просто старалась держаться от неё подальше и удивлялась тому, как это остальные наши девочки с ней общаются. На моих глазах она успела повздорить с несколькими покупателями, которые вовремя не успели отскочить, когда она мокрой тряпкой начала размазывать грязь по полу. Она орала на них, брызгая слюной, лицо у неё было очень злое, низенький лобик нахмурился, рот перекосялся, и она была похожа просто на ведьму. Это было даже страшно. И ни у кого не хватало духу рывкнуть на неё по-настоящему и прекратить это безобразие.

Несмотря на свою агрессивность и наглость, эта бабёха мило беседовала с Александрой Фроловной и Еленой Павловной, а иногда и с другими девочками, хотя порой и срывалась на грубость. Иногда они обижались на неё, иногда все обходилось мирно. Постепенно девочки рассказали мне о ней следующее.

Галка К., иначе Галка «Сыр», была давней знакомой Елены Павловны. Лет десять – пятнадцать тому назад Елена Павловна, бывшая заядлой театралкой, чуть ли не каждый день бегала в Театр Маяковского, располагавшийся прямо напротив нашего магазина, который в те времена ещё находился на улице Герцена. Галка прилипла и к Елене Павловне, и к магазину. Она-то была настоящим старым «сыром». Происхождение этого слова объясняют по-разному, но сама Галка говорила, что оно происходит от слова «сырой», «сырость». Якобы как-то Сергей Яковлевич Лемешев, увидев своих верных поклонниц, ожидавших на дожде его выхода из театра после спектакля, воскликнул: «Боже, да вы все здесь просто отсырели!». И с тех пор слово «сырить» стало означать ожидание кумира, а слово «сыр» – того, кто этим занимался. Так вот, за свою ещё недолгую тогда жизнь (Галке ко времени нашего с ней знакомства было лет 36) она успела переменить 17 мест работы, и это в советские-то времена! Она нигде не могла задержаться более, чем на полгода, потому что всегда надо было срочно срываться с места и бежать за кумиром (или за несколькими сразу), чтобы успеть на все его выступления, а иногда и поехать в другой город на его гастроль. За кем только Галка не «сырила»: здесь и Лановой, и Андрей Попов, и Михаил Козаков, и Владимир Зельдин, и Алла Демидова, и Родион Нахапетов, и французский актер Жак Тожа, и Владимир Шубарин, и хоккеист Борис Майоров, и всякие ещё иностранные группы, вроде, японских «Черных уток», и Бог весть кто ещё. Кумиры были разные, приемы были одни и те же: при помощи цветов, подарков, длительных рукоплесканий, постоянных ожиданий надо было втереться в доверие к кумиру и на какой-то срок (иногда очень краткий, иногда очень долгий) стать частью его жизни. Мечтой Галкиной жизни было стать «сыром» Владимира Высоцкого, но тут были свои сложности. Галка охотно и не по одному разу пересказывала всякие забавные случаи о разных известных актерах, и мы с удовольствием её слушали.

Галкино детство пришлось аккурат на предвоенные и военные годы. Её отец работал шофером, а мать, кажется, не работала. У Галки была ещё младшая сестра Алла. Они были ужасно похожи друг на друга, только Алка выглядела помоложе и поопрятнее.

Галка была феерической грязнухой. Платок у неё на голове вонял кошками (у неё постоянно жил какой-нибудь великолепный кот, потому что она была убежденной кошатницей). На обширном бюсте, на кофточке виднелись пятна от яичного желтка, томатного сока, супа и прочей пищи. Юбка, как правило, с чужого бедра (как впрочем и все остальное) тоже была вся в пятнах неясного происхождения. Чулки и носки, когда она их снимала, могли самостоятельно стоять в углу и вонять не хуже портянок у солдат на многодневном походе. Это было весьма странно, потому как Галка уверяла, что её мать чистоплотная женщина. Удивительно, но после смерти их матери Алка стала ещё более неопрятной, чем старшая сестра.

Училась Галка так себе, но с удовольствием посещала юношеский читальный зал в библиотеке Ленина, который открылся как раз во времена войны. Жила их семья в центре, в Лаврушинском переулке, и Галка могла бегать в Ленинку, сколько душе было угодно. Конечно, она голодала. Никакими способностями к ведению домашнего хозяйства она не располагала, поэтому даже во вполне взрослом состоянии она не желала готовить и часто ходила голодная, подбедая всё, что попадалось под руку. К тому же она все свои деньги тратила на своих кумиров: кому на цветы, кому на книги, кому на пластинки, кому на лекарства. При этом, если её же кумиры дарили ей какие-нибудь приличные вещи, она тут же их продавала или передаривала кому-нибудь, потому что «не могу же я носить эту ажурную кофточку с моими калошами на босу ногу». Галина всегда хвасталась, что у неё никогда не было ни одного русского любовника. Она начала свою сексуальную жизнь с 17 лет, со связи с молодым поляком по имени Владек, который предлагал ей свою руку и сердце, но Галка и представить себе не могла, как это она со своими простецкими замашками и семью классами средней школы войдет в приличную польскую семью. Потом Владек уехал, а Галка на какое-то время поступила на работу уборщицей в институт Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Там она сначала приглянулась одному

латиноамериканцу, а потом, когда тот уехал, его другу, тоже из Латинской Америки. Кажется, их обоих звали Альфредами. Вот от этого Альфреда Второго она в свои тридцать лет родила сына Андрея, очень славного мальчика.

Естественно, меня удивляло то, как все эти мужики могли клюнуть на эту патологическую грязнуху, но девчонки мне объяснили, что в молодости Галка была очень ничего себе – стройненькая, худенькая, волос у неё было побольше, и кроме того, она была того самого неброского русского типа, который так любят иностранцы. Ну, и если хотела, могла привлечь к себе внимание, ведь она была прирожденной актрисой погорелого театра. Актерство было у неё в крови. Её двоюродный брат Владимир К. всю жизнь был артистом Детского театра, сама же Галка могла бы стать актрисой, если бы хоть чуть-чуть хотела учиться. Правда, в детстве она принимала участие в самодеятельности, но дальше этого не пошла. Как футбольные болельщики в основной своей массе сами в футбол не играют, так и «сыры» не выступают на сцене.

Так вот, родив в тридцать лет первого и единственного ребёнка, Галка разумно порешила, что ей пора перестать мотаться с одной работы на другую, и попросила одну свою близкую знакомую, которая работала на студии «Мелодия», устроить её туда на работу. Она поступила в цех гальваники, где все ходили по полу, залитому электролизной водой, отсюда и её привычка везде и всюду ходить в калошах, которые ей выдавали на работе. В цехе она успевала лаяться со всеми без разбору, особенно с начальником смены, но тем не менее, в общем народ к ней относился по-доброму, уж очень она умела быть смешной и забавной. Пластинки «Мелодии» были тогда чрезвычайно дефицитными, и Галка пользовалась ими, как козырными картами. Она, например, могла зайти в магазин «Прага» и предложить продавцам какие-нибудь пластинки, причем без переплаты. Конечно, после этого торт «Птичье молоко» ко дню рождения её сына Андрюшки был обеспечен. В другом магазине она могла брать в любом количестве индийский чай, конфеты «Сливочная помадка», зефир, шпроты, копченую колбасу и прочее, за деньги, конечно, но тоже без переплаты. Потом, уже много позже, она брала меня с собой в этот магазин на Ленинском проспекте, там мы отоваривались, а затем очень многое отвозили Люсе Резниковой, Галкиной подруге детства, больной страшным полиартритом. Люся была падчерицей первого Галкиного кумира, актёра ТЮЗа Сергея Резникова. Как она рассказывала, он играл Рошфора в «Трёх мушкетёрах». Ей тогда было лет 14. Она дождалась его выхода из театра и пошла за ним. Он заметил её, понял её тоску и привел к себе домой, где и познакомил со своей женой Марией Александровной и двумя дочками – восьмилетней Люсей и совсем маленькой Леной. Так Галка стала приходить к ним, они её подкармливали, она видела их гостей, слушала их разговоры, и ей все это ужасно нравилось. Вот Мария Александровна и устроила ее на работу в «Мелодию».

Галка не забывала их доброту и после смерти Сергея Резникова продолжала навещать Люсю и Марию Александровну. Она и меня с ними познакомила.

Я не помню, как и когда произошло мое сближение с Галкой «Сыр». Наверное, я вместе со всеми в магазине слушала её байки, смеялась, а, может быть, и подыгрывала ей. В общем, через какое-то время мы были с ней во вполне приятельских отношениях. Помню, как она, желая порадовать нас, притащила в магазин магнитофон и кассеты с записями Высоцкого, которого она обожала, и мы часа четыре услаждали свой слух полузапрещёнными песнями Владимира Семеновича. Мне нравился Высоцкий, но я не очень много его слышала, хотя один раз была на его концерте в клубе Горбунова. Тут же мы просто объедались Высоцким, и Галке это очень нравилось. Ей было приятно, что мы разделяем её пристрастие к нему.

Мои отношения с Галкой были очень неровными, из-за её паршивого характера. Конечно, она была немного психопатка, склонная закатывать скандалы и истерики по ерундовым поводам, и в такие минуты изо рта у неё выпрыгивали жабы и лягушки. Потом ей становилось стыдно, но на мировую она не шла. Помнится, я купила ей в подарок бюстгальтер девятого номера, в каждую чашечку которого я могла втиснуть собственную голову. Надо ска-

зять, дарить Галке нижнее белье, особенно трико, было традицией. Она часто вообще ходила без штанов, что облегчало ей проблемы с туалетом, но зимой все же было холодновато. Она с благодарностью принимала подношение, надевала на себя эти штаны прямо на месте и носила их до тех пор, пока они на ней окончательно не протирались. Кажется, она их не стирала, ждала, когда подарят следующие. Ну, а я решила подарить ей бюстгальтер, но как раз в этот момент её угораздило со мной полаяться. Мы разругались вдрызг и дней десять не разговаривали друг с другом. Но за эти десять дней она успела исплакаться на груди у всех наших девчонок. Она хотела помириться со мной и получить свой бюстгальтер. Я к ней не лезла, ходила гордо, выдерживая характер, но в конце концов мы помирились.

С Галкой было весело. Она знала кучу сплетен про актеров, порой очень здраво судила о жизни, охотно рассказывала о себе, любила хорошие детективы, приносила нам читать их в машинописных переводах или в вырезках из провинциальных журналов, где их иногда печатали. За это она требовала внимания. Она была жутко ревнующая и хотела, чтобы мы её привечали лучше, чем наших «мальчиков-ебунчиков», как она называла наших молодых семьдесят девятых. Особенно от неё доставалось мне и Вере. Нам даже не удавалось посплетничать о наших кавалерах, как следует, чтобы Галка не вставила в наш разговор свое веское слово. Успокаивалась она только тогда, когда успевала всех их и нас заодно основательно полить грязью. В ответ мы с Верой только весело хохотали. Язык у Галки был, как помело, но и я в долгу не оставалась. Разговор набирал обороты, а в конце мы уже все втроем хохотали до слёз. Тогда в товароведку прибежала Галина Андреевна и просила нас вести себя потише.

Как ни странно, но Галка оказалась знаковой фигурой в моей судьбе. Благодаря ей я познакомилась с Надей и Вадимом Севницкими, ставшими моими большими друзьями, и даже получила квартиру. Она сама была очень активна в знакомствах и умела добиваться внимания тех людей, которые ей нравились. Некоторые её приемы я тоже усвоила.

В те времена Галка активно посещала черный рынок. Она покупала и продавала разные книги, но в основном все же покупала. Это были и детские книги, и собрания сочинений, и новинки советских авторов, и переиздания классиков, и опять же детективы. Она иногда меняла там шило на мыло, пластинки на книги, какого-нибудь Кожевникова на Агнию Барто или Чуковского для детей своего очередного кумира. Она хорошо знала постоянных посетителей черного рынка и кто что там продает. Оттуда она приносила нам книги и сплетни.

Однажды Галка начала пудрить нам мозги рассказами о том, что на черном рынке появился такой вот мальчик, хороший мальчик, скромный мальчик, маленький и худенький, и он ничего не хочет, кроме детективов на немецком языке. Она попросила у нас разрешения привести этого мальчика к нам в магазин и познакомить с нами. Она просто не знала, что сама себе роет яму да ещё подкладывает туда свинью, потому что Алик оказался её серьезным соперником в деле приобретения детективов на английском языке (хотя поначалу действительно покупал детективы на немецком) и книг по кино. Конечно, сама Галка ни на каком языке, кроме русского, ничего не читала, но она покупала детективы Агаты Кристи, Гарднера и Рекса Стаута, а также книжки по кино, где было мало текста и много картинок. Она с детства собирала открытки с портретами актеров (советских и зарубежных), менялась ими с такими же фанатами, как она сама, иногда дарила их нам.

Короче, привела она Алика в магазин. Он оказался невысокого роста и худеньким, но никаким не мальчиком, а вполне взрослым молодым человеком тридцати с лишним лет. Он закончил физтех и жил вместе с мамой в Кунцево. Работал он в какой-то шарашке, потом перешел в другую. На работе его всегда ценили, потому что он был умным, сообразительным и трудолюбивым человеком. У нас он прижился моментально. Не прошло и двух месяцев, как мы уже не мыслили себе жизни без Алика. Обычно он приходил по субботам, а иногда и среди недели. Он всегда приносил большой кулёк с вкусными конфетами, которые наши девчонки-сладкоежки поедали чуть ли не с бумажками. Он помогал нам штамповать книги, тас-

кать их из товароведки в отделы, разбирал их по тематике, даже иногда стоял за прилавком, только вот в кассе не сидел. У него было ценное качество: он всегда видел, как и когда надо тебе помочь. Он подходил и без лишних слов делал то, что надо. И ещё он всегда видел и замечал, как мы себя чувствуем, по-видимому, потому что сам в жизни испытал много боли. В раннем детстве он тонул в холодном болоте, его спасли проходившие мимо мужчины, и с тех пор у него болели ноги, поясница, у него был полиартрит, были и другие болезни. Мне всегда нравилась именно его внимательность. Алик знал и любил зарубежное кино, во время Московского кинофестиваля он брал отпуск и не вылезал из кинотеатров, иногда просматривая чуть ли не по восемь фильмов в день. Когда у нас бывала возможность посмотреть что-нибудь интересное, Вера или я старались взять его с собой. Его любимцем был Хемфри Богарт.

Алик быстро поладил с остальными нашими молодыми семьдесят девятыми. Приблизительно в то же время (это был год 1973–1974) Верочка привадила ещё двоих мужчин к нашему магазину – любителя охоты немца Эдвина Майера и его молодого приятеля Виктора. Оказалось, они тоже окончили физтех. Все трое в то время оказались разведены и не женаты, и у нас сложилась чудная компания. Мы собирались то у меня, то у Верочки, иногда у Эдвина или у Вити, пили сухое вино, ели что-нибудь вкусное, болтали и веселились. Мы непременно ходили друг к другу на дни рождения. Витя тогда жил в Телеграфном переулке, а Эдвин – в Козловском, у Красных ворот, Вера – в Фурманном, я – в Сокольниках, нам друг до друга было рукой подать, только Алик жил далеко, но это его никак не стесняло. На какой-то из его дней рождения, на юбилей, наверно, я написала ему такие стихи:

«Как детектив, зачитанный до дыр,
Ты сразу стал нам близок и понятен,
С тех самых пор, когда в своих объятьях,
Тебя к нам привела Галина «Сыр»».

Галка теперь от досады кусала себе локти, но Алик был, как новорожденное дитя, которое обратно не запихнешь, и ей пришлось мириться с его существованием. Но в общем, она относилась к Алику хорошо, хотя и ревновала нас к нему. Он увел у неё из-под носа много хороших книг, которые мы охотнее отдавали ему, чем ей, потому что Алик всегда и сразу честно расплачивался за них, а у Галки денег никогда не было.

Зато она ещё в те времена была мастером пирамид. Наобещав направо и налево принести дефицитные пластинки с «Мелодии», она собирала у людей деньги. Этими деньгами она могла расплатиться в продовольственном магазине за дефицитные продукты. Часть дефицитных продуктов она могла предложить нам или своим сотрудницам. Вырученные за эти продукты деньги она могла заплатить за книги. Те, кто давал ей деньги на пластинки, терпеливо ждали. У кого-то лопалось терпение, у кого-то нет. В конце концов, Галка получала зарплату и расплачивалась за пластинки. Потом эта круговерть начиналась сызнова. Естественно, что в кармане у Галки всегда была дыра, а ещё были всякие кумиры, которым надо было нести цветы и подарки.

Внутри «сырской» компании существовали свои раздоры. Там зорко следили за тем, кому кумир оказывает больше внимания, а потом это долго обмусоливалось по телефону и при уже нечастых личных встречах, потому что «сыры» становились старше, иногда болели, приткось их с годами тоже сокращалась, но тем не менее, взаимная ревность не гасла. Помню, как мы с Галкой однажды отправились в Театр Красной Армии посмотреть спектакль «Тот самый Мюнхгаузен», где главную роль исполнял Зельдин. Я-то с удовольствием смотрела на сцену, а Галина Федоровна, расположившись прямо на ступеньках, рьяно срезала шипы с розовых веток, чтобы Зельдин, когда будет брать букет, не поранил себе руки. Сам спектакль ей уже давно был не нужен, потому что она видела его не в первый раз. Роз было много, ветки были

длинными и колючими, и этой развлекухи ей хватило как раз на все действия. Я ещё подумала: её бы энергию, да в мирных целях. По окончанию спектакля мы подошли к сцене и подали цветы Зельдину. Он наклонился к нам, взял цветы и одарил нас своей актерской улыбкой.

Ещё раньше, летом 1972 года, Галка достала для меня два билета на концерт Шубарина, который должен был состояться в кинотеатре «Октябрьский» на проспекте Калинина. Я отправилась туда в сопровождении своего тридцать шестого, хорошенького и милого азербайджанца, при этом страшно ревнивого. Галка попросила меня поднести цветы Шубарину. Она сказала: «Ну представляешь себе, как я в своих калошах выхожу на сцену с букетом, а Володя мне еле до пояса достает?». Шубарин взаправду был маленького роста. «Вот если выйдешь ты, – продолжала Галка, – тогда все будет выглядеть нормально».

Мне пришлось отказаться. Я не боялась выйти на сцену, я боялась своего Афиза, который потом проел бы мне мозги своей ревностью. Тем не менее, выступление мы посмотрели с удовольствием. Шубарин станцевал и свой знаменитый «Ветерок» и «Семь сорок или без двадцати восемь». В конце его выступления были и продолжительные аплодисменты, и цветы летели на сцену – но все так себе, мелочь. Вдруг раздался гул, похожий на звук пропеллера. Это Галка, стоя на приличном расстоянии от сцены, размахивала огромным букетом цветов, как пращой. Под конец она размахнулась и швырнула свой букет на сцену. Хорошо, что у Шубарина такая прыгучесть. Он ловко увернулся в сторону от Галкиного снопа, и тот упал на подмости, которые явственно прогнулись под ним. Тут раздалось такие рукоплескания, визги и крики «браво», что даже Галина Федоровна осталась ими довольна.

И ещё я вспоминаю, как мы с ней ходили смотреть спектакль «Дон Жуан» с Михаилом Козаковым и Леонидом Каневским в клуб им. Горбунова. Похоже, это было летом 1980 года. Козаков был давним кумиром Галки «Сыр», однажды она с такой же молодой «сырихой» Бэлкой Ференц «взяла» его ещё тепленьким птенчиком со второго курса. И с тех пор он так или иначе поддерживал с ними отношения, а они, естественно, хвастались этим друг перед другом и остальными «сырами».

Короче, перед началом спектакля мы зашли к Козакову в гримуборную, и там Галка беседовала с ним о его семье, детях от его разных браков, о здоровье и, кажется, подарила ему пластинку с «Всеношной» Рахманинова, большой редкостью по тем временам. Сначала Козаков отвечал ей как-то лениво, хотя и благодушно, но потом разговорился, а под конец даже поцеловал нам ручки, сказав: «Хорошо, что вы пришли, будет для кого играть». Я всем говорила, что потом неделю не мыла поцелованную им руку, но это было вранье. Зато – правда, он подарил мне свою фотографию, сделанную Мишей Гутерманом в садике Театра на Малой Бронной. На обороте он написал стихи:

«На этом фото Гутермана,
Перед спектаклем «Дон Жуана»
Вот Вам афтограф мой в стихах:
Стихи есть вещь! Театр – прах».

Там так и написано: «афтограф». Видно, волновался. Мы с удовольствием посмотрели спектакль и поднесли цветы.

А ещё через какое-то время Галка отправила меня и Люду Б., красивую девушку из нашего магазина, на вечер в ВТО, где Козаков рассказывал о Луспекаеве и читал много стихов. (Мне нравится, как он читает стихи). Галка вручила нам пластинки и огромный букет мелких розочек (со срезанными шипами) с наказом непременно вручить все это Мише. Сама она по причине своей заляпанной кофты и калош на шерстяных носках там появляться не собиралась. В старом здании ВТО (Всесоюзное Театральное Общество) у Пушкинской площади зал помещался на пятом этаже, и на лифт стояла длиннющая очередь. Но меня с моим великолеп-

ным букетом почтительно пропустили вперед вместе с какими-то женщинами, которые несли в руках театральные костюмы. Вот в тот момент я пожалела, что я ненастоящая «сыриха».

Я должна была передать букет, а Люда – пластинки. Она очень нервничала. После прекрасного выступления Козакова, длившегося часа два, под гром рукоплесканий мы с Людой пробрались к сцене. Но тут аплодисменты стихли, потому что Козаков согласился прочитать что-то ещё. И мы, как две дуры, застыли внизу рядом со сценой, пережидая, когда он закончит читать. При этом моя трепещущая Люда твердо встала у авансцены, оперлась локтем на неё, а другой рукой придерживала пластинки, и было видно, что уж теперь, когда она преодолела свою застенчивость, её отсюда вилами не сдвинешь. Когда же, наконец, Козаков отчитал все стихи, мы передали ему свои подношения, и я под гром аплодисментов прокричала ему: «Это от Галины Федоровны!». Он улыбнулся и покивал головой.

С Донатасом Банионисом Галка где-то пила чай. К Борису Майорову и Алле Демидовой приходила домой. Василий Лановой в 5 часов утра читал ей и ещё какой-то «сырихе», скорее всего той же Бэлке Ференц, «Золотого телёнка» на лестничной площадке своего дома. А вот Родион Нахапетов никогда Галку не видел. Он слышал только её мурлыкающий голос по телефону, когда он вел с ней длинные разговоры. На глаза же ему она со своим одним зубом во рту и калошами на ногах показываться стеснялась. Она приходила к нам в магазин, оставляла всяческие подношения для него в товароведке, а он приходил и забирал их без неё, или же она в это время пряталась за колонной в торговом зале. Самой её последней страстью, когда она уже болела, был Александр Любимов, телеведущий программы «Взгляд». Она прожила с ним целую жизнь, а он об этом даже не догадывался.

В отличие от некоторых других «сыров», Галка никогда не пыталась вступить со своими кумирами в интимные отношения. Она бескорыстно обожала их и хотела от них просто немножко внимания. Они дарили ей какие-то безделушки, и она часто передаривала их нам. А вот у её сына Андрея клюшка была от самого Бориса Майорова.

Я уже говорила о том, что заветной Галкиной мечтой было «сырить» Высоцкого. Когда же я спросила её, почему она этим не займется, она мне ответила: «Ты что, за ним же ГАБТовские ходят». Я удивилась: «Ну, и что ж?» – «Они, знаешь, как дерутся!»

Вот это да! Я и не подозревала, что собственнический инстинкт «сыров» может довести их до рукоприкладства. Оказывается, за Высоцким плотно «сырили» две сестры-лесбиянки, кажется их звали Танька и Валька. И они никого не подпускали к Владимиру Семеновичу. Как Галка мечтала найти его где-нибудь пьяненьким в канаве и на своих могучих плечах отнести домой! Не сбылось. А по поводу драк между «сырами» она рассказала мне такую историю.

В молодости она вместе с другими «сырами» ходила за Андреем Поповым, актером и режиссером Театра Красной Армии. Обычно они самым почтительным образом ожидали его выхода после спектакля под колоннами этого театра. Если он выходил один и делал им знак, они шли его провожать, и он с ними разговаривал и шутил. Если же он выходил с кем-нибудь, то они следовали за ним на приличном расстоянии, стараясь не попадаться ему на глаза.

И вот как-то раз или два им в удобный момент перебежала дорогу какая-то сопливая фря, и все внимание их кумира досталось ей. Прошел слух, будто бы эта молодая особа хочет стать гримером и подходит к Попову только затем, чтобы посоветоваться относительно этой профессии. «Сыры» скрежетали зубами, но терпели. Однако, какая-то добрая душа звякнула им, что эта профурсетка просто-напросто нагло «сырит» их кумира.

Когда в очередной раз Попов вышел из театра, он увидел группу своих «сыров» и эту наглую фрю. Наверное, он подумал, что она снова подойдет к нему, но «сыры» окружили его, заговорили-заболтали, и он было забыл о ней. Когда же вспомнил, спросил: «А где эта девушка?», на что ему ответили: «Не бойтесь Андрей Алексеевич, с ней все в порядке». «Боже мой! Что вы с ней сделали? Неужели убили?» – «Андрей Алексеевич, мы таких не убиваем, мы их давим». На самом деле парочка-троечка «сыров» покрепче прижали эту девушку к колонне, повелили

у неё под носом кулаками и сказали, чтобы духу её здесь не было, иначе... Короче, девица исчезла и больше не появлялась.

О самой Галке и её байках можно рассказывать бесконечно, поэтому я пока прервусь и скажу только, что теперь её прах покоится на Преображенском кладбище, куда я и прихожу каждый год 22 июня, в день её смерти.

Глава 3. Арбатские старушки и академические вдовы

Я перечитала написанное и заметила, что очень часто употребляю слова «я удивилась» или выражение «меня удивило», но надо помнить, что ко времени моего поступления на работу в наш магазин мне было всего 22 года, и я мало ещё чего в жизни видела – двор, школа, институт, вот и всё. Мои настоящие университеты начались именно в родном магазине. Там я научилась всему – дисциплине, исполнительности, выносливости в работе, изворотливости и поворотливости в деле. Там я обрела умение обращаться с людьми, умение разбираться в них, часто с первого взгляда. Любопытно, что это умение практически не подводило меня потом, уже после моего ухода из магазина. Например, когда я пришла на работу в Ленинку, я попала в коллектив, состоявший приблизительно из 25 человек. Из них мне решительно не понравились трое. Одна была совсем молоденькой девочкой и не очень умной, молодой человек вскоре попался на воровстве книг, а ещё одна дамочка была просто старой занудой. Все остальные казались симпатичными людьми и потом оставались именно такими, какими я их расценила с первого взгляда. Но ведь ошибиться было так просто, не так ли?

Я часто говорила о том, что мы в своем магазине являемся «стихийными социологами». И правда, ежедневное общение с большим количеством разнообразной публики подталкивало к тому, что волей или неволей приходилось как-то её классифицировать, раскладывать по полочкам, наклеивать ярлыки. Это делалось практически бессознательно, часто на инстинктивном уровне, но никогда меня эта способность не обманывала. Я иногда развлекалась тем, что пыталась перед тем как раскрыть паспорт очередного «продавателя», определить его возраст, имя или номер отделения милиции, выдавшего ему паспорт, то есть район или улицу в Москве, где проживает этот самый «продаватель». Самое забавное состояло в том, что я довольно часто угадывала. Вот фамилии я не пыталась угадать и номер дома или квартиры тоже. Однако были такие адреса в Москве, которые говорили сами за себя. Например, улица Арбат. В то время ещё существовали так называемые «арбатские старушки» – каким-то чудом сохранившиеся осколки старой, даже дореволюционной Москвы, которые доживали, как говорится, свой век в старых домах на Старом Арбате. Все они выглядели так, словно только что вылезли из сундуков с нафталином: их юбки, платья, кофты, пальто, шубейки были жутко старомодными, потертыми, облысевшими. Но главной их приметой были немислимые шляпки, именно шляпки, а не какие-то там беретки или платки. Эти шляпки могли быть фетровыми, соломенными, меховыми, с перышками, бантиками, в форме капора с оборочками, какие угодно, но все они казались тогда просто фантастическими. Почему-то я запомнила одну из таких арбатских старушек – на ней была меховая шляпка, выглядевшая так, будто два котенка, наигравшись в досталь, заснули у неё на голове лет эдак пятьдесят назад и с тех пор не просыпались, а только усыхали и потихоньку лысели. При этом шляпка имела форму детской панамки, с прорезьями. Бог знает, когда полагалось носить эту шляпку, но бабусенька, похоже, носила её «зимой и летом – одним цветом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.